

Л.Н. Мазур*

**ГОЛОД И ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТЫЛОВОГО ГОРОДА
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОК****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-9
УДК 94:631.1(571.150)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Мазур Л.Н. Голод и война 1941–1945 годов: повседневность тылового города в воспоминаниях современников // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 142–156. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-09.pdf>*

L.N. Mazur*

**HUNGER AND WAR 1941–1945:
EVERYDAY LIFE IN A REAR-EARTH CITY
IN THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-9

*How to cite:**Mazur L.N. Hunger and War 1941–1945: Everyday Life in a Rear-Earth City in the Memories of Contemporaries // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 142–156. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-09.pdf>]*

Abstract. The article examines the problem of famine and food supply in a rear-city during the Great Patriotic War, using the case of Sverdlovsk and the Sverdlovsk region and drawing on documented eyewitness accounts, diaries, letters, and archival sources. Particular attention is paid to the functioning of the rationing system, the differentiation of food norms by social group, the work of Workers' Supply Departments, auxiliary farms, the combination of rationing with commercial and black-market trade, and the impact of these mechanisms on the everyday life of different population categories. The author shows that the rationing system sustained urban residents at a borderline level of survival and did not prevent selective famine, primarily among children, the elderly, evacuees, dependents, and rural inhabitants excluded from the rationing system. Based on a large corpus of popular (grassroots) memoirs, the article reconstructs survival practices such as additional earnings, trips to villages to barter clothes for food, blood donation, the development of kitchen gardening, the use of "gifts of nature" and "hunger recipes", including bread substitutes. The study compares urban and rural patterns of famine, revealing the consequences of tax burdens on collective farmers, emergency legislation, and the repressive practice of the "three ears of grain law", which intensified the food crisis in the countryside. Special attention is given to social inequality in access to food, the formation of groups of the "non-hungry" (elites, nomenklatura, defense-industry workers), and abuses within the distribution system. The article concludes that the experience of famine became one of the key elements of the collective memory of rear-area everyday life, giving it a tragic tone and setting the stage for further research on regional specificities of the ethnodemographic transformation of the Urals' population in the 1940s.

Keywords: Great Patriotic War, rear, famine, rationing system, survival practices, urban population.

* Людмила Николаевна Мазур, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: LN.Mazur@urfu.ru

Lyudmila Nikolaevna Mazur, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: LN.Mazur@urfu.ru

** Тема поддержана грантом РФФИ 26-18-00325 «Особенности этнодемографической трансформации населения Урала в 1850-е–1950-е гг.: факторы и механизмы».

This topic was supported by Russian Science Foundation grant 26-18-00325, "Characteristics of the Ethnodemographic Transformation of the Ural Population in the 1850s–1950s: Factors and Mechanisms".

The article has been received by the editor on 04.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На материале Свердловска и Свердловской области анализируется проблема голода и продовольственного обеспечения тылового города в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных источников привлечены воспоминания современников, дневники, письма и архивные источники. Особое внимание уделено функционированию карточной системы снабжения, дифференциации норм выдачи продуктов по социальным группам, работе отдела рабочего снабжения, подсобных хозяйств предприятий и учреждений, сочетанию нормированного распределения с коммерческой и «черной» торговлей, а также влиянию этих механизмов на повседневную жизнь разных категорий населения. Показано, что карточная система поддерживала существование значительной части горожан на пограничном уровне выживания и не предотвращала избирательный голод, прежде всего среди детей, престарелых, эвакуированных, иждивенцев и сельских жителей, не охваченных нормированным снабжением. На основе корпуса народных воспоминаний реконструируются практики выживания: дополнительные заработки, поездки в деревню для обмена вещей на продукты, донорство, развитие огородничества, использование «даров природы» и «голодных рецептов», в том числе заменителей хлеба. Сопоставляются городская и сельская модели голода, выявляются последствия налогового обременения колхозников, чрезвычайного законодательства и репрессивной практики, усиливавших продовольственный кризис в деревне. Отдельно рассматривается проблема социального неравенства в доступе к продуктам. На основе анализа нормативных документов и воспоминаний выделены группы «неголодающих» (элита, номенклатура, рабочие оборонных предприятий, снабжаемые по 1-й категории) и роль злоупотреблений в системе распределения. Делается вывод, что опыт голода стал одним из ключевых элементов коллективной памяти о тыловой повседневности, формируя ее трагическое звучание и задавая перспективу дальнейших исследований региональных особенностей этнодемографической трансформации населения Урала в 1940-е годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, голод, карточная система, практики выживания, городское население.

Статья поступила в редакцию 04.04.2026 г.

Введение. 85 лет прошло с начала одного из крупнейших военных конфликтов XX века – Великой Отечественной войны, унесшей десятки миллионов человеческих жизней. Память о ней жива, несмотря на то, что представителей военного поколения остается все меньше, а вместе с ними уходит и живая память о войне. Сохранить ее помогают эго-документы – воспоминания, письма и дневники военного времени, находящиеся в семейных архивах. Часть из них передается в государственные архивы и становится достоянием общества, позволяя исследователям прикоснуться к прошлому.

Являясь носителем эмоционально заряженных и устойчивых образов прошлого, личный опыт (живая память), как и произведения литературы и искусства, играет особую роль в процессах формирования коллективной памяти (рис. 1). Она становится тем важнее, чем дальше от нас событие, тем ценнее свидетельства очевидцев.

Объектом исследования в данной статье выступает массив документированных воспоминаний о тыловых буднях промышленного города. Управление архивами Свердловской области и Областной совет ветеранов в 1998 г. через газету обратились к ветеранам войны и тыла с просьбой прислать свои воспоминания в Центр документации общественных орга-

низаций Свердловской области (переименован в апреле 2026 г. в Государственный архив социально-политической истории Свердловской области – ГАСПИСО). Союз ветеранов разработал анкету, в которой были выделены вопросы: сведения об авторе (год рождения, место жительства), начало войны, день Победы, окончание войны, что больше всего запомнилось, награды. Может быть, поэтому один из авторов воспоминаний назвал свою рукопись «исповедью на заданную тему»¹.

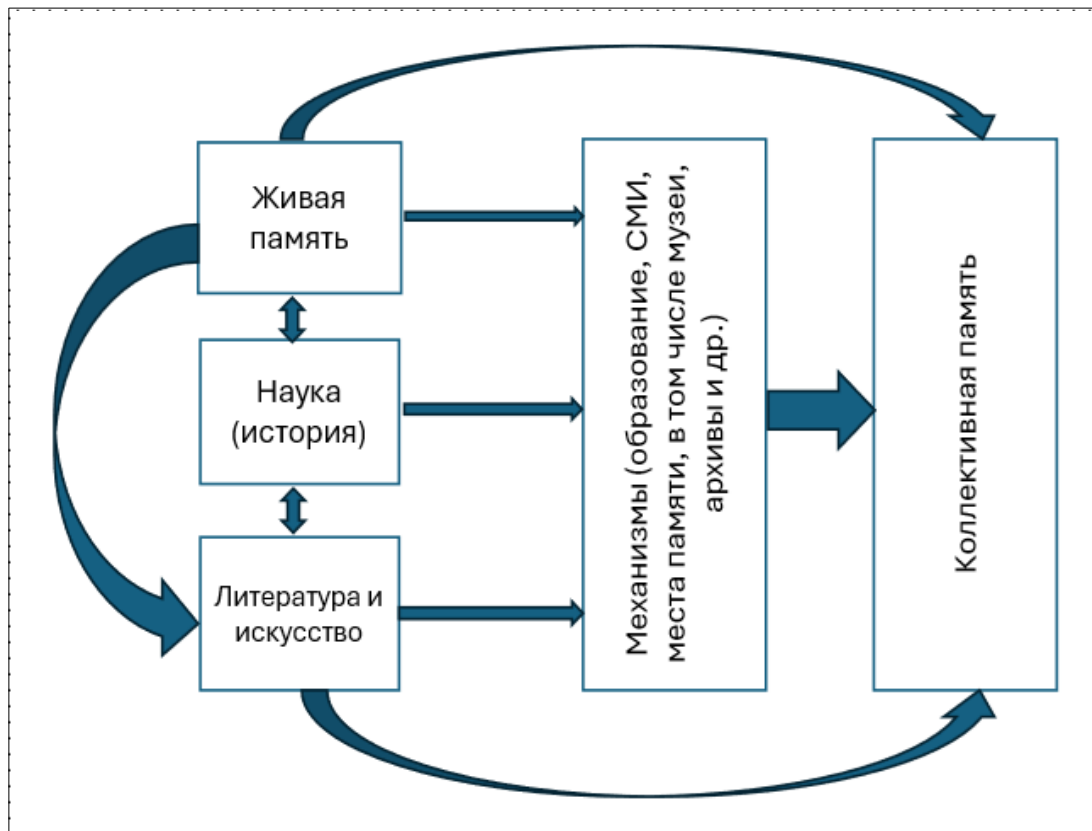

Рис. 1. Схема источников и механизмов формирования коллективной памяти

Откликнулось более 700 авторов, их воспоминания легли в основу нескольких изданий, сформированных по тематическому принципу. Архивом опубликованы два сборника воспоминаний театральных работников². Кроме того, были напечатаны сборники воспоминаний ленинградцев, эвакуированных в Свердловск, и о вкладе радистов в Победу³. Особняком стоит издание воспоминаний тружеников тыла – рабочих, колхозников, учителей, врачей, школьников и студентов, вышедшее из печати в 2000 г.⁴

Опубликованные и сохранившиеся в архиве рукописи⁵ относятся к категории «отложенных» воспоминаний, что накладывает свой отпечаток на избирательность, полноту и достоверность представленной в воспоминаниях картины военного прошлого. Как отмечал один из авторов воспоминаний, *«сейчас, когда прошло более полувека, память сохранила лишь отдельные моменты того времени»*⁶. Вместе с тем такой формат спустя много лет позволяет изучить сохранившиеся в памяти ветеранов образы прошлого. Они отличаются

¹ Государственный архив социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО). Ф. 1274. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

² См.: Главная в жизни роль... Продолжение. Екатеринбург, 2013; Главная в жизни роль...: сборник воспоминаний. Екатеринбург, 1995.

³ См.: Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: сб. Екатеринбург, 1994; Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей 1941–1944 гг.): книга воспоминаний блокадников. Екатеринбург, 1996; Радисты Великой Отечественной – о себе и своих товарищах: воспоминания ветеранов войны. Екатеринбург, 2005.

⁴ Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000.

⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1.

⁶ Мы приближали победу... С. 334.

эмоциональной достоверностью и важны для понимания особенностей тыловых будней. К ним относятся воспоминания о труде «без выходных и отпусков» на пределе человеческих возможностей и голоде – его масштабах и сопутствующих практиках выживания. Это оборотная сторона войны. В тылу война также уносила жизни людей, меняла повседневность, режим труда/отдыха, жизненные приоритеты. Труд и голод – эти два сюжета находятся в центре воспоминаний большинства авторов.

* * *

Наиболее изученной была и остается тема голода в блокадном Ленинграде, свидетельствующая о массовом мужестве и героизме жителей города, оставшегося непобежденным⁷. В 1990–2000-е годы появились публикации воспоминаний и научные труды о голоде в сельской местности как результате налоговой, заготовительной и мобилизационной политики власти⁸. В 2010-е годы их дополнили региональные исследования, в том числе основанные на воспоминаниях и письмах⁹. Проблема голода в тыловом городе стала изучаться в 2000-е годы¹⁰. Ранее эта тема рассматривалась в контексте продовольственного обеспечения населения и введения карточной системы в качестве чрезвычайной меры, гарантирующей от возникновения ситуации системного голода и его последствий¹¹. Среди работ, посвященных проблеме продовольственного обеспечения Свердловска и Свердловской области, следует выделить труды А.В. Сперанского, а также очерк Г. Шантина, основанный на собранных им интервью¹², хранящихся в настоящее время в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и представляющих собой ценные свидетельства о жизни тылового города¹³.

Карточная система продовольственного обеспечения населения: был ли голод в тылу? В 1968 г. вышла монография А.В. Любимова¹⁴ – наркома торговли СССР, непосредственно участвовавшего в годы войны в разработке системы дифференцированного обеспечения населения продуктами питания и промышленными товарами (1941–1947 гг.). В книге бывшего наркома впервые дана детальная характеристика не только структурных элементов

⁷ См., например: Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014; и др.

⁸ Вылицан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 50–77; Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 85–87; Денисевич М.Н. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 89–93; и др.

⁹ Кабирова А.Ш. Продовольственное снабжение населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2-2. С. 148–156; Панков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5 (133). С. 37–41; Шаповалов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 31.03.2026); Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья // Научный диалог. 2018. № 8. С. 147–160.

¹⁰ Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения рабочих и служащих Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 21–23; Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 212–225.

¹¹ Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958). Свердловск, 1982. С. 61–64.

¹² Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение: мат-лы Седьмой ежегод. науч. конф. (Екатеринбург, 8 февраля 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 73–78; Шантин Г. Штрихи из жизни города // Мы приближали победу. Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 375–396.

¹³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2766. Оп. 1. Интервью с жителями г. Свердловска (1984–1998).

¹⁴ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.

системы, но и принципов и механизмов ее функционирования. Книга презентует взгляд «сверху» на практики нормированного снабжения, но порождает ряд вопросов. Среди них основным вопросом остается обоснование разработанных норм.

А.И. Микоян, автор предисловия к монографии А.В. Любимова, отмечал, что созданная в годы войны карточная система, несмотря на малые нормы, «позволяла жить и работать»¹⁵. Она предусматривала снабжение населения продуктами через закрепленные по месту работы или жительства магазины и столовые. Были определены нормы для отдельных групп населения, установлены дополнительные виды питания для передовиков производства и работающих на особо важных участках. Все городское население было разбито на четыре категории: к первой относились рабочие и инженерно-технические работники (ИТР); ко второй – служащие и приравненные к ним; к третьей – иждивенцы и приравненные к ним; четвертую группу составили дети в возрасте до 12 лет¹⁶. Наряду с выделенными категориями существовали «литерные» и «особые» списки, для которых полагались повышенные нормы потребления продовольственных и промышленных товаров. К ним были отнесены военнослужащие, железнодорожники, заслуженные представители науки, искусства и литературы, номенклатурные работники¹⁷. Частью системы стало обеспечение продовольствием эвакуированных и сельской интеллигенции. В результате она охватила городское и часть сельского населения, за исключением колхозников, которые не имели гарантированного снабжения продуктами.

С целью реализации карточной системы были созданы органы, которые занимались учетом, выдачей карточек и контролем за процессами их распределения. С марта 1942 г. для улучшения снабжения работников при предприятиях были организованы Отделы рабочего снабжения (ОРСы), а также создавались подсобные хозяйства.

Введение карточной системы было вынужденным решением. С первых дней войны с продуктами в тылу возникли вполне ожидаемые сложности. Все стремились запастись впрок, у магазинов выросли «огромные очереди за маслом, хлебом и другими продуктами»¹⁸.

Первым делом карточки были введены в Москве и Ленинграде (июль-август 1941 г.). Нормированное распределение коснулось 12 видов продуктов питания – хлеба, муки, крупы, сахара, кондитерских изделий, мяса и рыбы. Из промышленных товаров талоны были распространены на ткани, обувь, мыло¹⁹. С ноября 1941 г. карточная система охватила практически все городское население страны и вводила нормы на десятки видов товаров.

В 1942 г. дневной паек для рабочих и ИТР составлял 800 г хлеба на день по первой категории и 600 г – по второй. Служащие получали 500 г хлеба в день по первой категории и 400 г – по второй. Иждивенцы и дети в возрасте до 12 лет ежедневно получали 400 г хлеба²⁰. Нормы могли пересматриваться. Так, засуха 1943 года привела к снижению нормы отпуска хлеба: для рабочих – до 500 г хлеба в день, для служащих – 400 г, для детей и иждивенцев – до 300 г.²¹ Помимо основных продуктовых карточек, правительством были установлены различные виды дополнительного питания: второе горячее питание, холодные завтраки, дополнительный хлеб, усиленное диетическое питание и др.²²

Введение карточной системы и нормы снабжения хлебом сохранились в памяти всех авторов воспоминаний: «Жизнь резко изменилась. Появились продуктовые карточки.

¹⁵ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 5.

¹⁶ Краткий справочник по отнесению населения к группам по снабжению при выдаче продовольственных и промтоварных карточек, утв. НК торговли СССР 20 июля 1942 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Ленинград, 1945. С. 64.

¹⁷ О снабжении работников науки, искусства и литературы: приказ Наркома торговли СССР № 480 от 7 октября 1944 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций... С. 118–126.

¹⁸ Шантин Г. Штрихи из жизни города... С. 376.

¹⁹ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 21.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 29.

²² О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий: приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР № 356 от 24 октября 1942 г. // Сборник важнейших приказов... С. 94–97.

Я как токарь-оператор получал 800 граммов хлеба, а остальные продукты тогда, когда они были. Конечно, питания не хватало» (В. Плешаков)²³. На первый взгляд хлеба полагалось достаточно много, но в условиях, когда получение других продуктов не гарантировалось, неизбежно менялась структура питания и даже максимальной нормы хлеба было мало для удовлетворения текущих потребностей. «По рабочей карточке мы получали по 800 граммов хлеба в день, – сообщает Б. Гребнев. – Первое время съесть такое количество мы не могли, и казалось, что норма завышена. Но по мере того как приварок сокращался, хлеба все больше не доставало»²⁴.

Свердловск входил в перечень городов, где по карточкам предоставлялся расширенный список продуктов²⁵. Для рабочих I категории, трудившихся на оборонных заводах, полагалось 2 кг мяса, 600 г жиров, 1,5 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 700 г хлеба в сутки. Работники остальных промышленных предприятий, отнесенные ко II категории, получали карточки на 1,8 кг мяса, 400 г жиров, 1,2 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 600 г хлеба в сутки²⁶.

Насколько карточная система гарантировала потребление положенных по нормативам продуктов? Все зависело от наличия товарных фондов и их доступности – серьезной проблемой были очереди. В результате часть карточек могла остаться неотоженной. Их можно было сдать в столовую в обмен на горячие обеды²⁷.

Нормированному распределению подлежали и промышленные товары. Талоны на одежду, обувь, ткани и другие товары выдавались на 6–9 месяцев. Карточка имела определенное количество купонов-единиц: для рабочих и ИТР – 125, для служащих – 100, для иждивенцев и детей – 80. Приобретая, например, пару обуви, покупатель оплачивал ее стоимость и должен был сдать 50 купонов²⁸. Однако получение промтоваров также не гарантировалось, все зависело от их наличия в магазинах. В дополнение к карточкам некоторые категории населения получали ордера и лимитированные талоны на определенные товары. Показательна история, рассказанная З. Лубегиной²⁹:

«Однажды мне вручили приглашение в военкомат, а это значило, что я получу талон на что-то из промышленных товаров. Прихожу в отдел кадров, здороваюсь. Начальник отдела кадров молчит. Я села на стул и спрашиваю, для чего меня пригласили? И тут состоялся разговор, который буквально потряс меня.

– У вас муж еще жив?

– Да, – отвечаю я, – по крайней мере получила недавно письмо от него.

– Так зачем же вы пришли ко мне?

– Я получила ваше приглашение.

– И напрасно пришли. Талоны выдаем только тем, у кого муж погиб»³⁰.

Одновременно с введением карточек сохранялось определенное количество магазинов, кафе, ресторанов, буфетов, торговавших без карточек по повышенным ценам. Постановлением Совнаркома СССР от 8 апреля 1942 г. были установлены коммерческие цены на все важнейшие промышленные товары. Разрешенная коммерческая, комиссионная и рыночная торговля выступала дополнением к карточной системе, помогая компенсировать ее недостатки и удовлетворять спрос платежеспособной части населения³¹.

²³ Мы приближали победу... С. 67.

²⁴ Там же. С. 337.

²⁵ Список городов, в которых выдаются карточки на некоторые продовольственные товары // Сборник важнейших приказов... С. 35.

²⁶ Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения... С. 21–23.

²⁷ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–6.

²⁸ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 41–42.

²⁹ Лубегина Зоя Петровна (1919–2012 гг.) – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, капитан медицинской службы. В июле 1942 г. была демобилизована, вернулась в Свердловск и была зачислена в штат Уральского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии врачом-интерном. С 1959 по 1985 год З.П. Лубегина была директором Свердловского НИИ травматологии и ортопедии.

³⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–8.

К 1943 г. система снабжения была в основном отлажена и работала вполне стабильно, поддерживая жизненные силы населения городов, но на пограничном уровне. Характерно, что рядом с воспоминаниями о голоде, как правило, упоминается усталость от тяжелой работы и холод. Эти три эмоции определяют образ военной тыловой повседневности.

«От недоедания некоторые страдали дистрофией. Были в цехах и голодные обмороки. В таких случаях пострадавшего уносили в медпункт, ставили какой-то укол, давали отдохнуть минут тридцать – и снова на рабочее место. В лучшем случае полагался талон на чашку супа, который можно было просто выпить, ложка не требовалась. Но все мы: и мужчины (как правило, в возрасте 55–60 лет), и женщины, и наш брат – подростки, несмотря на тяжесть труда, его интенсивность, недоедание, были полны решимости работать», – пишет В. Плешаков³².

Расстояние между чувством недоедания и голодом достаточно условно. Значение имеет продолжительность недоедания, состояние здоровья. Малейшее отклонение – утрата карточек, болезнь, перераспределение имеющихся ресурсов (например, повышение налогов, уход на фронт кормильца) – могло привести к ситуации физического голодания и трагическим последствиям.

Наиболее распространенной угрозой была утрата карточек в результате воровства или по рассеянности. Эта опасность грозила всем и служила основанием для разработки официальных и неофициальных практик помощи пострадавшим³³. Так, негласным правилом было не брать с собой месячный комплект карточек, отоваривая их по частям³⁴. В случае беды спасала взаимовыручка, поддержка со стороны власти и общественности. Вспоминая ситуацию с утратой десятидневного пакета карточек, Н. Толмачева сообщает: *«Какие-то талоны нам дали в прокуратуре – не то на крупу, не то в столовую»³⁵*. О коллективной поддержке свидетельствует В. Ваша: *«Было большое горе, если кто-то терял карточку на хлеб, приходилось всем коллективом выручать пострадавшего, кто чем мог»³⁶*. Но для кого-то утрата карточек была последней каплей и становилась причиной самоубийства, преступных действий или несчастного случая³⁷.

Продовольственные карточки, зерно или другие продукты можно было купить на черном рынке. *«На Щорсовском рынке, – вспоминает М. Старцева, – мама изредка покупала стакан овса, мы его мололи, варили. Однажды купила чекушку масла, а оказалась кас-торка»³⁸*. Не всем рыночные цены были по карману. Цена одной продуктовой карточки доходила до 500 руб., что соответствовало средней месячной заработной плате рабочего. *«Цены на рынке ужасные, – вспоминает З. Лубегина, – килограмм масла стоил тысячу рублей, килограмм картошки – восемьдесят рублей, литр молока – тоже восемьдесят. Я однажды хотела продать буханку хлеба (она стоила двести-триста рублей), но не осмелилась»³⁹*.

* * *

Оценивая значение созданной в годы войны системы нормированного распределения продуктов питания, нужно подчеркнуть ее неизбежность в условиях ограниченности ресурсов и утраты важнейших сельскохозяйственных районов в результате оккупации.

³¹ Бизин А.С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // Метаморфозы истории. 2023. № 27. С. 7; Твердюкова Е.Д. Комиссионная торговля в советской России–СССР (1917–1991) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 84.

³² Мы приближали победу... С. 67–68.

³³ Инструкция о порядке выдачи, учета и хранения карточек на нормированные товары и о порядке отпуска нормированных товаров в торговой сети, утв. Приказом Наркомторга СССР № 380 от 13 ноября 1942 г. // Сборник важнейших приказов... С. 12.

³⁴ Мы приближали победу... С. 385.

³⁵ Там же. С. 373–374.

³⁶ Там же. С. 430.

³⁷ Там же. С. 186, 374, 385–387, 489.

³⁸ Там же. С. 485.

³⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

Тем не менее остается вопрос, насколько карточная система была гарантией от голода? В.С. Пушкарев приводит следующие данные: в ноябре 1944 г. из 23,745 млн занятых на производстве в тылу и получавших паяк 12,5 млн человек получали 500 г хлеба в день, а повышенные нормы (800–1 000 г хлеба) – 1,5 млн человек⁴⁰, т.е. среди тех, кто получал карточки, только 6,3 % снабжались по 1-му разряду, остальные лишь наполовину были обеспечены продуктами питания, и еще оставались миллионы колхозников и других категорий населения, которые не были охвачены карточной системой.

Был ли голод? Об этом лучше всего свидетельствует взгляд со стороны. Тяжелая ситуация с питанием сразу бросалась в глаза тем, кто возвращался с фронта. Из воспоминаний З. Лубегиной, в 1942 г. приехавшей из действующей армии в Свердловск:

«Когда мы были на фронте, мы совершенно не знали, как живут наши семьи в тылу, а семьи не знали о нас... И вот я дома. Встретили меня с радостью, но дома было плохо. Папу, больного туберкулезом легких, призвали на трудовой фронт – охранять заключенных. Я ужаснулась, посмотрев на его отекавшие ноги. Папа выглядел стариком, мама – чуть лучше. Через некоторое время папу освободили, а фабрика [Уралобувь], на которой он работал, направила его в подсобное хозяйство. Моя сестра студентка стала донором. Сдавала кровь ежемесячно, несмотря на низкое содержание гемоглобина. Она получала так называемую шахтерскую карточку на хлеб (800 граммов) и обед в день сдачи крови. У нее были частые обмороки. Младшая сестра, тоже студентка, переносила недоедание легче. Продовольственные карточки отоваривали плохо: за хлебом приходилось стоять два-три часа, вместо мяса давали лебедя, вместо сахара конфеты-подушечки, почему-то пересыпанные махоркой. Словом, мы голодали»⁴¹. О голоде как черте повседневности говорят и другие авторы воспоминаний: «На второй год войны начали сказываться лишения, которые приходилось переживать людям: падали в голодные обмороки, опухали»⁴².

Еще более трагичную картину увидел А.И. Шишкин, воевавший на Карельском фронте и приехавший в мае 1945 г. в Архангельск на побывку к отцу: «...мы не могли ничем помочь. В результате в период войны умерла у меня сестра, мама... У отца я один остался...»⁴³.

Упоминания о голоде встречаются в письмах на фронт: «скорее всего не выживем, поскольку у нас в третий раз украли хлебные карточки, а рабочий паяк матери слишком мал» (1942 г.)⁴⁴; «жизнь очень скудна и бедна, потому что нет ни хлеба, ни картофеля» (1944 г.)⁴⁵. Родные старались не огорчать тех, кто находился на фронте, тем ценнее эти свидетельства для нас – они как крик о помощи, жест отчаяния.

Практики выживания. Тяжелая продовольственная ситуация вынуждала искать дополнительные способы получения питания. Среди общепринятых практик, о которых рассказывают авторы воспоминаний, следует отметить поиски дополнительных заработков, «экспедиции» в отдаленные деревни для обмена вещей на продукты, донорство, разведение огородов, продажу на рынке личных вещей или сдачу их в комиссионные магазины, использование в пищу различных «даров природы» – заменителей хлеба.

В воспоминаниях часто встречаются рассказы об успешных/неуспешных походах в деревню с целью обмена вещей на овощи, масло, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. Об этом написала, например, М.И. Кутырева (Осокина): «У меня осталось только одно платье, так как остальные пришлось отвезти в деревню на обмен. Пока едешь на подножке вагона из деревни, картофель замерзнет, но мы – я и младшая сестра – все равно его ели»⁴⁶. Похожая история изложена в воспоминаниях З. Лубегиной: «Чтобы чем-то накормить семью, мама с соседкой поехали на электричке в деревню. Была уже

⁴⁰ Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР... С. 213.

⁴¹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁴² Мы приближали победу... С. 151.

⁴³ Цит. по: Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. № 2. С. 361.

⁴⁴ С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сб. док-тов. Орел, 2015. С. 131.

⁴⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶ Мы приближали победу... С. 388.

поздняя осень, ветер, холод, а в вагон не зайти – переполнен. Так и ехали на подножке. Приехали в деревню за картошкой, но не тут-то было. Постучали в калитку – молчание в ответ. Только одна женщина позволила перекопать огород: если что найдут, могут взять. Прокопав целый день, собрали полведра. Но были рады и этому»⁴⁷.

Студенческие воспоминания полны сюжетами о дополнительных местах работы ради получения карточки рабочего с нормами снабжения в два раза выше студенческой⁴⁸, о тяжелом труде на полях колхозов, который в известной мере вознаграждался возможностью «подкормиться». Другим способом получения дополнительного питания было донорство: число доноров постоянно росло и значительную их часть составляли студенты. Из дневника И. Гордеевой:

«1942 год, февраль. Мы, студенты, стали донорами. У меня группа крови 1А – наиболее ходовая. Сдавать кровь будем через месяц. Ночью работали на строительстве завода около плотины городского пруда, таскали на носилках кирпичи. За это нам дали по куску хлеба и по сосиске; я принесла это домой, дети были очень рады лакомству. <...> После сдачи крови нам выдают надбавку к хлебной карточке в течение месяца по 100 граммов на день. Такое богатство! Три килограмма! Конечно, весь мой хлеб мы выкупали сразу же и для полного счастья шли в кино»⁴⁹.

«1942 год, октябрь. Уже три месяца работаем в колхозе, еще не убран картофель. Здесь сытнее, вдоволь едим картошку. Чему только не научилась я за этот колхозный сезон!»⁵⁰.

Для многих горожан спасением стали огороды. В 1942 г. было принято постановление, в соответствии с которым свободные земли в черте и вокруг городов стали нарезать под огороды и передавать предприятиям. Участки земли площадью до 0,15 га распределялись между работниками через профсоюз с условием сдачи государству части урожая по нормам, установленным для личных подсобных хозяйств⁵¹. Любопытно, что в памяти горожан сохранились проблемы, связанные с освоением сельскохозяйственных навыков, но отсутствуют воспоминания о сдаче госпоставок.

«В первый год войны у нас не было своего земельного участка. Весной нам его дали, мы приложили много усилий для его разработки. Работали до кровавых мозолей, зато потом с питанием стало легче»⁵², – вспоминает Е. Ведерникова. Свою огородную историю изложила З. Лубегина: «Папа задумал посадить картофель на маленьком клочке земли около дома. С сырого клубня сначала срезали верхушку, затем глазки, а что оставалось – в еду. Посадили и ждали урожая – пусть немного, но все же подспорье. Пришла пора уборки. Мы уговаривали папу выкопать картошку сегодня, но папа решил убрать завтра. А назавтра... Кто-то ночью выкопал наш урожай. Жаль было отца, себя»⁵³.

Голодные военные годы способствовали развитию огородничества. Так, если в 1940 г. на Урале имели огороды 37,4 % горожан, то в 1945 г. – 77,3 %⁵⁴, а площадь посадок в личных хозяйствах увеличилась на 44,8 % (с 301,2 тыс. до 436,4 тыс. га)⁵⁵.

Голодные рецепты. Воспоминания о голоде, как правило, сопровождаются рассказами кулинарного характера с упоминанием тех блюд, которые в условиях дефицита продуктов заменяли привычное меню и в конечном счете формировали повседневный рацион.

⁴⁷ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁴⁸ Мы приближали победу... С. 50.

⁴⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 444 от 7 апреля 1942 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/243872-o-vydelenii-zemel-dlya-podsobnyh-hozyaystv-i-pod-ogorodov-rabochih-i-sluzhaschih-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-locale-nil-444-ot-7-aprelya-1942-g> (дата обращения: 31.03.2026).

⁵² Мы приближали победу... С. 421–422.

⁵³ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁵⁴ Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы... С. 64.

⁵⁵ Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»... С. 74.

Описание приготовления пищи наполнено деталями и эмоциями, предвкушением трапезы, заставляя сопереживать автору. Подробный рассказ о технологии получения муки из собранных колосков можно найти в воспоминаниях Н. Гарельшевой:

«Сначала колоски долго перетираешь руками, чтобы вылущить все до последнего зернышка. Затем зерно надо отвеять. Делалось это так: кладешь на землю тряпицу большую и с высоты своего роста сыплешь зерно из миски на тряпицу. При малейшем ветерке шелуха отлетает в сторону, а зерно падает вертикально. Если нет ветра, эту процедуру приходилось повторять несколько раз.

Теперь, когда зерно очищено, его надо перемолоть на жерновах вручную на несколько раз, чтобы мука на лепешки была и на кашу хватало. Жернова большие, тяжелые. У меня ни длины рук, ни силы не хватало: приходилось крутиться вокруг жерновов. И наступает, наконец, священный момент: помол просеивается. Мукой это назвать, конечно, можно только условно. Лепешки пекутся прямо на вымытой плите. Из крупного зерна варим кашу»⁵⁶.

Особое место в этих воспоминаниях отводится описанию даров природы и личного хозяйства, которые разнообразили скудный рацион: «Грибов, конечно, ели досыта. На зиму немного сушили, а вот посолить было нечем: соль ценилась на вес золота. Чтобы сэкономить ее, по несколько раз в одной воде варили картошку, подсаливая лишь чуть-чуть. Когда в огородах появлялась зелень – горох, бобы, первые тонкие хвостики моркови – все ели, не дожидаясь полной спелости»⁵⁷.

Среди рецептов «вкуснятины» военной поры нередко упоминаются «завариха» – мука, заваренная кипятком, а также супы из крапивы и лебеды, оладьи из картофельной кожуры⁵⁸. Рассказ о «голодных» рецептах, как правило, эмоционально окрашен в теплые цвета благодарности за спасение от голодной смерти.

Кто не голодал? Чрезвычайные ситуации, в частности военное положение, неизменно способствуют росту неравенства и поляризации общества. Заметнее всего неравенство было в столице и крупных городах – областных центрах. Особенно остро оно воспринималось на фоне общего обнищания. З. Лубегина вспоминает: «Я долго ходила в армейских сапогах и шинели, но сшить пальто было невозможно. Чувствовала обиду – некоторые были хорошо одеты, носили даже дорогие украшения, а я как Золушка. <...> Основная часть жителей и мерзла, и голодала...»⁵⁹.

Поляризация населения так или иначе была связана с доступностью продовольствия и промышленных товаров. Она определяла границу между «голодающими» и «неголодающими». К социальной группе «неголодающих» можно отнести:

во-первых, военную, политическую, научную и творческую элиты, высшую партийно-хозяйственную номенклатуру и членов их семей, включенных в особые или литерные списки и снабжаемых через закрытые распределители;

во-вторых, рабочих и ИТР оборонных предприятий, железнодорожного транспорта, снабжаемых по нормам группы рабочих (1-я категория).

Все перечисленные выше социальные группы не голодали на «законных» основаниях, пользуясь льготным режимом сверхнормативного или нормативного снабжения.

Определенными возможностями располагали руководители и главные специалисты промышленных оборонных предприятий и организаций, где были организованы так называемые директорские столовые, по своему меню отличные от рабочих. И. Левит сохранил в памяти такой случай: «Вернулся я в Свердловск несолоно хлебавши, правда покормили меня в директорской столовой отлично и без карточек. На десерт дали настоящий кофе со сливками и маленькую плитку шоколада. (Я спрятал ее для сынишки Вовы)»⁶⁰.

⁵⁶ Мы приближали победу... С. 403–405.

⁵⁷ Там же. С. 405.

⁵⁸ Там же. С. 293–294, 300; и др.

⁵⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

⁶⁰ Мы приближали победу... С. 117.

К «неголодающим», по свидетельству А. Яновской, относились также те, кто «жил в своих домах. Многие домохозяйки не работали на производстве, имели свой огород, корову, кур, а может и другую живность. Они продавали молоко, картошку»⁶¹. Характеристика этой социальной группы связана скорее с практиками трудовой мобилизации, которая охватывала трудоспособное население, т.е. мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. Под призыв не попадали, кроме старших возрастных категорий, жены военнослужащих, номенклатурных работников, многодетные матери, учащиеся, инвалиды⁶².

Помимо «неголодающих» на законных основаниях, выделялся круг лиц, имевших доступ к продовольственным ресурсам. Такая ситуация складывалась вокруг ОРСов, коммерческих отделов, магазинов, столовых и других точек распределения продовольствия и карточек, где имелась возможность «присвоения себе продовольственных товаров, карточек, отпуска продовольственных товаров по запискам без карточек»⁶³. Использовались также технологии обмана покупателей – обмеривание, обвешивание и обсчет, незаконная выдача/продажа продовольственных карточек.

Здесь следует отметить, что работники торговли и общественного питания снабжались по группе рабочих (2-я категория), т.е. находились в зоне риска, как и рабочие предприятий пищевой, легкой и хлебной промышленности. Имея доступ к продуктам питания или промышленным товарам, они нередко использовали их для личного потребления или в коммерческих целях. По наблюдениям Е.З. Гомельской, на рынке торговали «разные люди: работники столовых, магазинов или связанные с ними; пьяницы, чтобы выпить; воры, укравшие чужие карточки»⁶⁴. Отношение к данной категории лиц было негативным, что видно из рассказа З. Лубегиной об эвакуированных соседях по квартире: «Я не знаю, работал ли Борис, но его жена Люба устроилась в столовую и вечером приносила трехлитровый бидон с едой. Борис приходил на кухню, шлепал ладонями по животу и говорил: “Ну и нажрался”. Остатки выливали в унитаз»⁶⁵.

Город и деревня: особенности голода. Голод был приметой городской и сельской повседневности, но по-разному. В городе голод грозил наиболее незащищенным категориям населения, нормы обеспечения которых были пограничными. В наиболее сложной ситуации находились многодетные семьи, потерявшие кормильца и оставшиеся без поддержки близких.

Распространение голода среди городского населения зависело от ряда факторов – категории снабжения, статуса и возможностей предприятия (места работы), социально-демографических характеристик семьи – количества работников, их трудовой нагрузки (число едоков на одного работника) и половозрастного состава.

Трудности военного времени возрождали практики семейной кооперации, когда все члены семьи от детей до стариков брали на себя определенные заботы: трудоспособные, преимущественно женщины, практически круглосуточно находились на рабочем месте – в заводских цехах, нередко здесь же и отдыхая. Дети и старики стояли в очередях, чтобы отovarить карточки, работали в огороде, возрождая забытые крестьянские трудовые практики, вели домашнее хозяйство. Но и семейная кооперация не была гарантией благополучия, война объективно ослабляла семью, забирая мужей и отцов в армию и увеличивая трудовую нагрузку на женщин и подростков.

⁶¹ Мы приближали победу... С. 91.

⁶² О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/1 от 13 февраля 1942 г. [Электронный ресурс] // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина». URL: <https://www.prilib.ru/item/1350197> (дата обращения: 05.04.2026); Гончаров Г.А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6-1. С. 183–186.

⁶³ Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг. ... С. 360.

⁶⁴ Мы приближали победу... С. 384–385.

⁶⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

Несколько по-иному складывалась ситуация в сельской местности в среде колхозников. Как уже было отмечено, государство централизованно не обеспечивало их ни зерном, ни какими-либо другими продуктами, за исключением посевного материала. Распределение по трудодням оставалось скудным и охватывало только тех, кто выработал минимум. Кормились преимущественно продуктами со своего личного хозяйства, которое обеспечивало семью колхозников не только овощами, мясом и молоком, но и ремесленными изделиями, что фактически означало возврат к натуральному хозяйству.

О тяжелой ситуации с продовольствием в тыловой деревне свидетельствует рост правонарушений по закону «о трех колосках». Среди осужденных преобладали женщины, которые ради пропитания своих детей решались на воровство хлеба⁶⁶. Архивные документы полны свидетельств о нищете в среде крестьян, массовой дистрофии, случаях суицида и убийства детей⁶⁷.

К наиболее травматичным моментам относятся рассказы о конфискации продуктов и вещей в счет погашения долгов по налогам. В первую очередь забирали скот, птицу и сельскохозяйственные продукты⁶⁸. *«Деревенские жители неукоснительно должны были сдать налоги: молоко, мясо, шерсть и яйца. У селян мало что оставалось, жили они, как и мы, впроголодь»*, – пишет Т. Городенцева-Троицкая⁶⁹.

Несмотря на то, что и горожане, и жители села считали по поводу друг друга, что *«там – в городе/селе – легче выжить»*, поскольку в городе есть гарантированные карточки на продукты, а в деревне все свое, тяжело было везде.

Голод и его последствия. Анализируя положение с продовольствием в тыловом городе, можно констатировать, что голод не носил тотального характера и затронул наиболее незащищенные социальные группы, которые между тем составляли большинство населения. Может быть, поэтому тема голода в годы войны в тыловых воспоминаниях приобрела трагическое звучание.

Последствия голода находили свое выражение в массовом распространении дистрофии, цинги и повышении уровня смертности. В дневнике И. Гордеевой находим убедительное свидетельство голода: *«В нашем же бараке лежит женщина с тяжелой формой дистрофии. Поперек кровати в ногах у нее – ребенок лет трех. Он не ходит. Рядом с ней лежит малыш, который все время хватает и тянет в рот ее пустую грудь, замолкая при этом на секунды, а потом снова жадно скулит, как щенок. И так беспрерывно»*⁷⁰.

Таким образом, голод носил избирательный характер и касался прежде всего детей, престарелых, эвакуированных. Карточная система позволяла поддерживать силы на пограничном уровне. Это чувство существования на грани выживания очень ярко передают сохранившиеся воспоминания:

«Работали мы без отпусков, почти без выходных, по 12 часов <...>. И постоянно хотелось есть. Иногда нам давали талоны УДП (усиленное дополнительное питание); мы их называли “умрешь днем позже”. На талон в столовой выдавали миску с баландой – так мы называли супчик-лапшу из ржаных отрубей. Для больных дистрофией на территории завода было отведено одноэтажное здание. Часто можно было видеть, как еще днем стоявшие штабелями у стены здания гробы исчезали за ночь – умерших от голода ночью вывозили на кладбище» (В. Полякова)⁷¹.

Воспоминания содержат не только факты из повседневной жизни, но и эмоции, которые оживляют прошлое, делая его близким и понятным спустя много лет. Они дополняют официальную версию событий и предлагают взгляд изнутри – о чем думал и что делал обычный человек в нечеловеческих условиях.

⁶⁶ Кабирова А.Ш. Продовольственное снабжение населения... С. 154.

⁶⁷ Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»... С. 75–76.

⁶⁸ Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде... С. 153; Мы приближали победу... С. 454.

⁶⁹ Мы приближали победу... С. 293.

⁷⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

⁷¹ Мы приближали победу... С. 149.

Литература

Бизин А.С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // *Метаморфозы истории*. 2023. № 27. С. 1–15.

Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения рабочих и служащих Урала в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 21–23.

Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // *Война и общество, 1941–1945: в 2 кн.* М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

Главная в жизни роль...: сборник воспоминаний / сост. Н. Коляда. Екатеринбург, 1995. 333 с.

Главная в жизни роль... Продолжение / сост. И.А. Клепикова. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 190 с.

Гончаров Г.А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2006. № 6-1. С. 183–186.

Денисевич М.Н. Война и голод // *Урал в Великой Отечественной войне*. Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1995. С. 89–93.

Кабинова А.Ш. Продовольственное снабжение населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны // *Ученые записки Казанского университета*. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2-2. С. 148–156.

Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: сб. / сост. В.А. Гетманская, А.И. Глухих. Екатеринбург: Диамант, 1994. 34 с.

Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей 1941–1944 гг.): книга воспоминаний блокадников / сост. В.А. Гетманская. Екатеринбург: Диамант, 1996. 51 с.

Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014. 358 с.

Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.

Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья // *Научный диалог*. 2018. № 8. С. 147–160.

Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // *Урал в военной истории России: традиции и современность*. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 85–87.

Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма / отв. ред. Н.С. Толмачева. Екатеринбург: АРД ЛТД, 2000. 526 с.

Папков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // *Известия Алтайского государственного университета*. 2023. № 5 (133). С. 37–41.

Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // *Экономический журнал*. 2006. № 12. С. 212–225.

Радисты Великой Отечественной – о себе и своих товарищах: Воспоминания ветеранов войны / сост. А.А. Кочурин. Екатеринбург, Изд-во «Банк культурной информации». 2005. 120 с.

С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сб. док-тов / пред. редкол. Ю.В. Опарина. Орел, 2015. 227 с.

Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // *Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение: мат-лы Седьмой ежегод. науч. конф. (Екатеринбург, 8 февраля 2018 г.)*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. С. 73–78.

Твердюкова Е.Д. Комиссионная торговля в советской России–СССР (1917–1991) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 80–89.

Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958). Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 61–64.

Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 2. С. 340–391.

Шантин Г. Штрихи из жизни города // Мы приближали победу. Очерки. Воспоминания. Письма / ред. Н.С. Толмачева. Екатеринбург, 2000. С. 375–396.

Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. 313 с.

References

Bizin, A.S. (2023). Gosudarstvennaya kommersiya prodovol'stviem v pervye poslevoennye gody (na materialakh Leningrada) [State Commerce with Food in the First Post-War Years (Based on Materials from Leningrad)]. In *Metamorfozy istorii*. No. 27, pp. 1–15.

Budnikov, Yu.I. (2013). Perestroyka prodovol'stvennogo snabzheniya rabochikh i sluzhashchikh Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Reorganization of Food Supply for Workers and Employees of the Urals during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. No. 2, pp. 21–23.

Denisevich, M.N. (1995). Voyna i golod [War and Famine]. In *Ural v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Yekaterinburg, UrO RAN, Institut istorii i arkheologii, pp. 89–93.

Getmanskaya, V.A. (Ed.). (1996). *Leningradskaya blokada (900 dney i 900 nochey 1941–1944 gg.)* [The Leningrad Blockade (900 Days and 900 Nights 1941–1944)]. Yekaterinburg, Diamant. 51 p.

Getmanskaya, V.A., Glukhikh, A.I. (Eds.) (1994). *Leningradskaya blokada (900 dney i 900 nochey), 1941–1944* [The Leningrad Blockade (900 Days and 900 Nights), 1941–1944]. Yekaterinburg, Diamant. 34 p.

Goncharov, G.A. (2006). Trudovaya mobilizatsiya sovetskikh grazhdan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Labor Mobilization of Soviet Citizens during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Vestnik Orenburzhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6-1, pp. 183–186.

Kabirova, A.Sh. (2009). Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Food Supply of the Population of Tatarstan During the Great Patriotic War]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 2-2, pp. 148–156.

Khatanzeyskaya, E.V. (2020). Arkhangel'sk v 1939–1945 gg.: militarizatsiya upravlencheskikh praktik i gorodskaya povsednevnost' voennogo vremeni [Arkhangelsk in 1939–1945: Militarization of Administrative Practices and Urban Everyday Life in Wartime]. In *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 4, No. 2, pp. 340–391.

Klepikova, I.A. (Ed.). (2013). *Glavnaya v zhizni rol'... Prodolzhenie* [The Main Role in Life... Continuation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo AMB. 190 p.

Kochurin, A.A. (Ed.). (2005). *Radisty Velikoy Otechestvennoy – o sebe i svoikh tovarishchakh* [Radio Operators of the Great Patriotic War – about Themselves and Their Comrades]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo "Bank kul'turnoy informatsii". 120 p.

Kolyada, N.V. (Ed.) (1995). *Glavnaya v zhizni rol'...: sbornik vospominaniy* [The Main Role in Life...: Collection of Memoirs]. Yekaterinburg. 333 p.

Lomagin, N.A. (2014). *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhb, NKVD i pis'makh leningradtsev* [In the Grip of Hunger. The Siege of Leningrad in Documents of German Intelligence Services, the NKVD, and Letters of Leningrad Residents]. St. Petersburg, Avrora-Dizayn. 358 p.

Lyubimov, A.V. (1968). *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Trade and Supply During the Great Patriotic War]. Moscow, Ekonomika. 231 p.

Matlin, M.G. (2018). Ustnye rasskazy o golode 1941–1945 godov kak istochnik izucheniya povsednevnosti sel'skogo naseleniya Ul'yanovskogo Povolzh'ya [Oral Stories About the Famine of 1941–1945 as a Source for Studying the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Volga Region]. In *Nauchnyy dialog*. No. 8, pp. 147–160.

Motrevich, V.P. (2003). Golod na Srednem Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Famine in the Middle Urals during the Great Patriotic War]. In *Ural v voennoy istorii Rossii: traditsii i sovremennost'*. Yekaterinburg, IliA UrO RAN, pp. 85–87.

Oparin, Yu.V. (Ed.). (2015). *S pravdoy o voyne. Pis'ma 1941–1945 gg.* [With the Truth about the War. Letters 1941–1945]. Orel. 227 p.

Papkov, S.A. (2023). Agrarnaya ekonomika Sibiri i chrezvychaynoe zakonodatel'stvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Agrarian Economy of Siberia and Emergency Legislation during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (133), pp. 37–41.

Pushkarev, V.S. (2006). “Chernyy rynek” v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i ego vliyanie na sostoyanie vnutrennego rynka strany [The “Black Market” in the USSR During the Great Patriotic War and Its Influence on the State of the Domestic Market]. In *Ekonomicheskii zhurnal*. No. 12, pp. 212–225.

Shantin, G. (2000). Shtrikhi iz zhizni goroda [Touches from the Life of the City]. In *My priblizhali pobedu. Ocherki. Vospominaniya. Pis'ma*. Yekaterinburg, pp. 375–396.

Sharapov, S.V. (2024). “...Nu, brat Vasya, mne prikhoditsya zdes' pogibat', v Sibiri”: golod v sel'skoy mestnosti Novosibirskoy oblasti v 1940-e gody [“...Well, Brother Vasya, I have to Die Here, in Siberia”: Famine in the Rural Areas of Novosibirsk Region in the 1940s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (36), pp. 163–176.

Speranskiy, A.V. (2018). “Komu voyna, a komu mat' rodna”: reshenie prodovol'stvennoy problemy v 1941–1945 gg. (na materialakh Srednego Urala) [“For Some, War Is Misery; for Others, a Dear Mother”: Solving the Food Problem in 1941–1945 (Based on Materials from the Middle Urals)]. In *Vyzovy vremeni i sotsial'no-istoricheskoe znanie: teoretiko-metodologicheskie, konkretno-istoricheskie aspekty, prakticheskoe znachenie: materialy Sed'moy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UMTs UPI, pp. 73–78.

Tolmacheva, N.S. (Ed.). (2000). *My priblizhali pobedu* [We Brought Victory Closer]. Yekaterinburg, ARD LTD. 526 p.

Trifonov, A.N. (1982). Sozdanie i razvitie prodovol'stvennoy bazy promyshlennykh tsentrov Urala v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Creation and Development of the Food Base of the Industrial Centers of the Urals during the Great Patriotic War]. In *Razvitie rabocheho klassa i promyshlennosti Urala v period stroitel'stva sotsializma (1938–1958)*. Sverdlovsk, UNTs AN SSSR, pp. 61–64.

Tverdyukova, E.D. (2013). Komissionnaya trgovlya v sovetskoy Rossii–SSSR (1917–1991) [Commission Trade in Soviet Russia–USSR (1917–1991)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 4, pp. 80–89.

Vyltsan, M.A., Kondrashin, V.V. (2004). Patriotizm krest'yanstva [Patriotism of the Peasantry]. In *Voyna i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn.* Moscow, Nauka. Vol. 2, pp. 50–77.

Yarov, S.V. (2013). *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday Life of Besieged Leningrad]. Moscow, Molodaya gvardiya. 313 p.